

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Володин С.Ф. — Анализ концепта «контртеррор» в современной зарубежной литературе // Национальная безопасность / nota bene. — 2023. — № 6. — С. 16 - 25. DOI: 10.7256/2454-0668.2023.6.69221 EDN: VUPGEV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69221

Анализ концепта «контртеррор» в современной зарубежной литературе

Володин Сергей Филиппович

кандидат исторических наук

доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

300012, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Рязанская, 32/3

✉ volodin93@yandex.ru

[Статья из рубрики "Доктрина"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2023.6.69221

EDN:

VUPGEV

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2023

Дата публикации:

07-12-2023

Аннотация: Целью статьи является критическое осмысление концепта «контртеррор» в контексте так называемых моделей (стратегий) контртерроризма. Борьба с террором не замыкается на самой себе, она имеет отношение к национальным интересам и тем факторам и силам, которые препятствуют их воплощению. При рассмотрении же конкретной системы контртеррора на национальном уровне важно принимать во внимание как культурно-исторические предпосылки и фундаментальные факторы, порождающие узловые противоречия в обществе, так и текущие, ситуационные переменные, относящиеся к нарастанию террористических угроз. Лишь при учете этих факторов и текущих, ситуационных переменных, вызывающих рост радикальных и экстремистских взглядов в обществе, можно определить долговременную логику действий в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Автор критически осмысливает

концепт «контртеррор» в контексте так называемых моделей (стратегий) контртерроризма, активно разрабатываемых в современной западной историографии. Достижению поставленной цели служит раскрытие содержания каждой из этих моделей в контексте критической методологии. Основными выводами предлагаемой статьи являются то, что борьба с терроризмом должна опираться на мощные системы идейно-политических и силовых структур. Ключевое место здесь отводится долгосрочным стратегическим целям, имеющим отношение к коренным причинам терроризма. Цели национальной безопасности и угрозы, а, значит, и направления действий должны быть определены и представлены в регулярно обновляемых доктринальных документах. Значимыми, с точки зрения зарубежных исследователей, являются как уровень владения тактическим арсеналом жестких и мягких подходов, инструментальной и/или политико-символической логикой действий, так и учет культурно-исторических особенностей конкретного общества. Теоретический анализ в этом контексте помогает определить долгосрочную логику действий КТ при принятии необходимых управленческих решений с учетом международного и национального опыта.

Ключевые слова:

военная модель контртерроризма, контртеррор, модель уголовного правосудия, национальная модель контртерроризма, полицейская модель контртерроризма, профилактика терроризма, профилактика экстремизма, терроризм, террористическая угроза, экстремизм

В центр внимания современного общества самой жизнью ставится проблема противодействия террору. Между тем нередко исследовательский интерес смещается в сторону изучения самого феномена терроризма, и тем самым вся сложность борьбы с терроризмом остается не раскрытой в должной мере. В этой связи представляет интерес, как западные аналитики, опубликовавшие немалый массив монографических исследований по контртеррористической проблематике, рассматривают собственно содержание концепта «контртеррор». Поэтому целью предлагаемой статьи является критическое осмысление концепта «контртеррор» в контексте так называемых моделей (стратегий) контртерроризма (далее – КТ), активно разрабатываемых в современной западной историографии. В русле критической методологии автор статьи акцентирует здесь внимание, прежде всего, на становлении в современном контртеррористическом дискурсе национальной модели контртеррора и на его теоретическом обосновании.

Сразу отметим, что некоторые аналитики проводят различие между антитеррористическими – превентивными и оборонительными мерами по борьбе с терроризмом, такими как укрепление целей и усиленное патрулирование, – и более широкой концепцией борьбы с терроризмом (контртерроризм), включающей в себя активные и наступательные (как упреждающие, так и ответные) усилия по предотвращению, сдерживанию и борьбе с террористической угрозой. Субъекты борьбы с терроризмом используют широкий спектр ответных мер, таких, как правоохранительные, политические, психологические, социальные, экономические и (пара)военные меры [\[1, p. 817\]](#).

Безусловно, как общественное зло терроризм имеет серьезные социально-экономические и историко-культурные предпосылки, которые в призмe контртеррористической политики актуализируют стратегию профилактики террористической угрозы. Среди коренных причин терроризма обычно указываются

такие фундаментальные явления, как остро переживаемое социальное-экономическое неравенство, невыносимый чужеземный гнет, всеобщее неприятие нелегитимного политического режима, укоренившиеся в национальной культуре практики использования насилия в политических целях. При этом в качестве универсального средства купирования коренных причин терроризма западной историографией, как правило, предлагается проведение экономических и политических реформ. Вместе с тем, некоторые авторы справедливо отмечают неоднозначные последствия их реального воплощения [\[2, p. 369; 3, p. 50, 63\]](#). Речь идет о неслучайном всплеске антизападных, антикапиталистических и религиозных фундаменталистских движений. Добавим, что сам дискурс продвижения «демократических» реформ вполне может вписываться в стратегию продвижения глобальных интересов «передовых» наций, например, под лозунгом борьбы с «автократиями». В таком случае неизбежно разрушается стратегия единого фронта борьбы с глобальным терроризмом. И сегодня мы как раз наблюдаем, что вся эта работа фактически демонтируется и вряд ли в ближайшее время возможен всеобщий консенсус в отношении борьбы с глобальной террористической угрозой.

Прежде всего специалисты фокусируют внимание на предотвращении экстремизма как идеологической предпосылке потенциальной террористической деятельности и выделяют в этом процессе три этапа. Ранний профилактический уровень ориентирован преимущественно на молодежь посредством развития ее социальных навыков и критичности в отношении разных форм радикализма. Как справедливо указывал исследователь терроризма Алекс Шмид, террористический акт — это нечто большее, чем акт насилия, так как он в первую очередь является актом коммуникации, вызванной насилием. Поэтому решающее внимание в этом контексте отводится пропагандистскому измерению КТ, т.е. психологическим операциям. Контртеррористическая стратегия включает в себя, например, усилия по укреплению психологической устойчивости своего собственного гражданского населения посредством кампании просвещения в школах. Суть этой работы заключается в продвижении желаемых восприятий, образов, мнений или отношений среди членов общества, подвергающегося нападению и, наоборот, воспрепятствованию распространению нежелательного контента [\[4, p. 229-230\]](#).

Вторичный, «упреждающий» уровень профилактики включает инициативы, ориентированные на лиц, которые уже проявляют признаки радикализации. Здесь актуальны усилия по предоставлению молодым людям доступного и качественного образования, организации интересного и многообразного досуга. Наконец, третичный уровень направлен против лиц, которые являются частью экстремистской среды и уже совершили преступления или рискуют их совершить [\[5, p. 20-21\]](#).

Антитеррористическая защищенность потенциальных объектов террористических посягательств включает целую систему мер, которые в совокупности призваны серьезно воспрепятствовать возможным террористическим атакам. Так, авторы «Руководства по тактике, процедурам и методам контртерроризма» отмечают такие ключевые аспекты этой работы, как целевой анализ потенциальных мишеней для террористических атак, планирование обороны критических объектов инфраструктуры, формирование кризисных команд, их регулярная тренировка и др. [\[6, p. 49-69\]](#). В этой связи имеет практический смысл дифференциация уязвимости потенциальных объектов для террористических атак на «твердые» и «мягкие» цели. Если первые четко определены и хорошо защищены, например, ядерные объекты, то вторые — нет. К последним относят, в частности, транспортные системы, места религиозного поклонения, школы, больницы, общежития, рынки, театры, кинотеатры и др. объекты, где гражданские лица могут быть уничтожены

в значительном количестве. И можно согласиться с Алексом Шмидом, что здесь ключевое значение будут иметь усилия разведки, аналитическая работа, межведомственная коммуникация, гибкость и готовность специальных служб действовать в экстремальных условиях [\[1, p. 825-829\]](#).

Силовой подход к противодействию терроризму рассматривается сквозь призму оперативно-полицейских и военных методов. В первом случае терроризм идентифицируется как преступная деятельность и тем самым подразумевается включение известного инструментария по предупреждению преступности. Так, в рамках ситуационной модели преступности Рональд Кларк и Грэг Ньюмен предлагают использовать тактику предотвращения возможностей для осуществления террористических атак, что включает в себя цели, оружие, инструменты и облегчающие условия [\[7, p. 86\]](#). Цели, которые террористы считают уязвимыми, как правило, обладают рядом понятных характеристик. Они открытые, жизненно важные, знаковые, законные, разрушаемые, наполненные людьми, близкие и легкие. Что касается оружия, то наиболее привлекательным для террористов будет оружие многоцелевое, не обнаруживаемое, съемное, разрушительное, «приятное» для террористов, надежное, доступное, несложное и безопасное (7, p. 97-98). По мнению авторов, облегчающие условия для террористов можно сгруппировать в пять категорий – те, которые делают преступление легким, безопасным, простительным, заманчивым и вознаграждаемым (7, p. 99). В свою очередь уменьшение возможностей для терроризма достигается путем (1) увеличения усилий, (2) увеличения рисков, (3) снижения вознаграждений, (4) сокращения провокаций и (5) устранения оправданий (7, p. 103). Р. Крелинстен справедливо отмечает, что террористы нуждаются в продовольствии, жилье, обучении, оружии, взрывчатых веществах, конспиративных квартирах, средствах связи, проездных документах и деньгах. И усложнение этих задач, снижает риск террористических нападений [\[8, p. 174\]](#). Очевидно, что рутина полицейской деятельности в самом общем виде направлена на сбор и анализ данных, постоянные контакты с информаторами; на охрану, регулярный осмотр (патрулирование) уязвимых объектов; на задержание или ликвидацию (при вооруженном сопротивлении) террористов; на обеспечение режима их наказания. Причем сегодня арсенал оперативных возможностей серьезно расширился за счет систем видеонаблюдения и прослушивания, позволяющие успешно идентифицировать потенциальных и актуальных террористов. Правда, здесь могут проявляться серьезные злоупотребления, о чем говорили не только Дж. Ассанж и Э. Сноуден, но и некоторые аналитики [\[9, p. 7\]](#).

В борьбе с масштабными проявлениями террористической деятельности (в т.ч. мятежами) без привлечения вооруженных частей не обойтись. Для этих целей, как правило, используются специальные вооруженные подразделения. Необходимо отметить, что в западной историографии военная модель борьбы с терроризмом имеет разные трактовки. Во-первых, существует солидный опыт осмысления практики военного подавления бунтов, мятежей, повстанческих движений. Это могут быть как асимметричные боевые столкновения с низкой интенсивностью, так и битвы «дикой войны» [\[10, p. 114\]](#). Повстанцы стремятся посредством булавочных нападений наносить постоянные потери превосходящим силам противника и тем самым со временем деморализовать оккупационные силы и подорвать политическую поддержку оккупационных сил. Нередко, как отмечалось выше, обе стороны используют тактику «дикой войны». Так, в период войны во Вьетнаме американские военнослужащие 16 марта 1968 года уничтожили более пятисот мирных вьетнамцев из деревни Сонгми, поскольку предполагалось, что в этом поселении якобы находятся вооруженные партизаны. С другой стороны, во время

«битвы за Могадишо» в 1993 году убитые американские солдаты были демонстративно протасканы автомобилями по улицам сомалийской столицы при трансляции этого ужаса телевизионными камерами. Именно этот инцидент привел к тому, что в Вашингтоне пришли к выводу: операция провалилась и американские войска должны быть выведены из страны.

После «битвы за Могадишо» предпочтительной тактикой западных сил стало использование военно-воздушных сил при проведении наземных операций. Поэтому сегодня популярна идея о том, что вооруженные силы страны могут наблюдать, слушать, записывать и отслеживать кого угодно и наносить удары по своему желанию с помощью управляемых, беспилотных штурмовиков или космического оружия, предназначенного для борьбы с рассеянным врагом, а не с традиционным враждебным государством или террористической группой. Здесь придается большое значение дистанционному зондированию, спутниковым снимкам, беспилотным летательным аппаратам, ракетным технологиям, умным бомбам, а также распознаванию лиц и других биометрических данных [\[9, p. 4-5\]](#).

Сегодня на Западе используется особый концепт войны с повстанцами, или в англоязычных источниках COIN (англ. counterinsurgency). Суть COIN заключается в военно-политической нейтрализации повстанцев посредством как борьбы «за сердца и умы» населения, так и проведения маневренных военно-полицейских операций по поиску и уничтожению повстанцев. Теория маневренной войны предполагает, что разрушение моральной и физической сплоченности противника более эффективно, чем достижение его уничтожения. Следовательно, стратегия в этом контексте фокусируется на людях и идеях, а не на военных усилиях, которые имеют вспомогательный характер. Поэтому в русле этой стратегии важно уважать групповую идентичность и принимать должные социально-экономические меры, чтобы купировать существующие обиды [\[10, p. 109, 122\]](#). То есть здесь приоритет отдается мягкой линии в противовес жесткому подходу, т.е. «военной модели» КТ.

И здесь мы подходим к ключевой оппозиции в идеологических стратегиях КТ, как они представлены в западной историографии и – шире – в западном идеологическом дискурсе. Противоположным полюсом в отношении военного подхода выступает модель уголовного правосудия, при которой соблюдаются все правовые процедуры с уважением прав человека. И хотя именно этой стратегии уделяется приоритетное внимание, аналитики отдают себе отчет в том, что реальная борьба с терроризмом включает использование средств за пределами какого-то одного подхода. Например, США создали внесудебные территории для обхода препятствий и ограничений, создаваемых правовыми системами демократий для защиты прав человека в Гуантанамо, на авиабазе Баграм в Афганистане, в тюрьме Абу-Грейб (Ирак). Понятно, что такие истории не могут восприниматься позитивно, поэтому в широком диапазоне контртеррористических подходов предлагается, например, применять расширенную (гибридную) модель уголовного правосудия. В борьбе с терроризмом в этом случае должно быть задействовано специальное законодательство и административные регламенты. Помимо полиции к контртеррористической борьбе на законных основаниях подключаются секретные службы и спецподразделения [\[11, p. 6\]](#). Как представляется, А. Педахзур и М. Рансторп не случайно апеллируют в этом случае к национальному опыту, потому что национальная модель контртеррористической деятельности, как правило, включает в себя компоненты разных подходов, а их «весовое» соотношение зависит как от фундаментальных факторов, включая культурно-исторические предпосылки, так и от текущих обстоятельств времени.

Обращение к национальным моделям КТ не просто служит академическому интересу, но является предметом оспариваемого идеологического дискурса. Это хорошо видно на примере нередко звучащей на Западе крайне негативной оценки опыта Российской Федерации в борьбе с террористической угрозой, что нам наглядно демонстрирует, например, исследователь из университета Канзаса (США) М.Ю. Омеличева. Уже само оглавление раздела в сборнике «The Palgrave Handbook of Global Counterterrorism Policy» (2017 г.) определяет путеводную нить, которой следует автор – «Антитеррористическая политика России: вариации имперской темы». Аргументация раздела следует идеологически предустановленной схеме многовековой неправильности России: страна охватывает большую территорию и в ней «преимущественно славянская политическая элита правит множеством бесправных этнических групп и народов» [\[12, p. 524\]](#). А раз так, то в контртеррористической практике Российская Федерация, считает М.Ю. Омеличева, не может не отдавать предпочтения политике репрессий и силы, то есть военной модели. Да, на Северном Кавказе российское правительство осуществляло значительные инвестиции по окончании боевых действий, но они, безапелляционно утверждает она, «терпят неудачу» [\[12, p. 521\]](#). Почему? Да потому, что, – следует конструктивистскому подходу американский исследователь, – в самом содержании этой политики лежат имперские убеждения и идеи. Обретенное внутривеченское примирение с Россией М.Ю. Омеличевой явно не нравится, и она не готова присвоить ему новомодный статус модели COIN. Это, – присоединяется она к мнению приверженцев стародавней идеологии, – продолжение все той же имперской политики с такими ее чертами, как раскол местных элит, кооптация тех, кто готов работать с центральными властями, необходимые уступки новым местным правителям и их интеграция в российское государство [\[12, p. 528\]](#). В целом же позиция американского автора, как представляется, обладает фундаментальным изъяном. Некритическое следование идеологиям западного мейнстрима, в том числе в отношении к России и ее политике, приводят к ложным выводам. Понимая это, другой американский исследователь Джошуа Синай в своей статье, посвященной контртеррористическому опыту современной России, все-таки говорит о прогрессе в предотвращении террористических угроз со стороны российских спецслужб, в частности при обеспечении безопасности зимней олимпиады в Сочи. «Как и другие правительства...», отмечает он, российские власти используют богатый набор технических и силовых, военных и полицейских, средств для КТ [\[13, p. 100\]](#).

Таким образом, зарубежные специалисты справедливо указывают на то, что борьба с терроризмом должна опираться на мощные системы идейно-политических и силовых структур. Ключевое место здесь отводится долговременным стратегическим целям, имеющим отношение к коренным причинам терроризма. Вместе с тем, борьба с террором не замыкается на самой себе, она имеет отношение к национальным интересам и тем факторам и силам, которые препятствуют их воплощению. Эти цели и угрозы, а, значит, и направления действий должны быть определены и представлены в регулярно обновляемых доктринальных документах. Значимым, с точки зрения зарубежных исследователей, является уровень владения тактическим арсеналом жестких и мягких подходов, инструментальной и/или политико-символической логикой действий. Существуют стандартные методики обеспечения режимов безопасности, оперативной полицейской работы, пропагандистских усилий для разных аудиторий. При рассмотрении же конкретной системы КТ на национальном уровне важно принимать во внимание как культурно-исторические предпосылки и фундаментальные факторы, порождающие

узловые противоречия в обществе, так и текущие, ситуационные переменные, относящиеся к нарастанию террористических угроз. Теоретический анализ в этом контексте помогает определить долговременную логику действий КТ при принятии необходимых управленческих решений с учетом международного и национального опыта.

Библиография

1. Schmid A.P. Layers of Preventive Measures for Soft Target Protection against Terrorist Attacks // Handbook of Terrorism and Preparedness. The Hague: ICCT, 2020. P. 816-839.
2. Crelinsten, R. Conceptualizing counterterrorism / Ronald Crelinsten // Routledge handbook of terrorism / edited by Andrew Silke. London; New York: Routledge, 2019.
3. Wilkinson P. Terrorism versus democracy: the liberal state response / Paul Wilkinson. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2006.
4. Schmid, A.P. Prevention of terrorism: Towards a multi-pronged approach // Root causes of terrorism : myths, reality, and ways forward / edited by Tore Bjørgo. London; New York: Routledge, 2005.
5. Schmid A. P. Terrorism Prevention: Conceptual Issues (Definition, Typologies and Theories) // Handbook of Terrorism and Preparedness. The Hague: ICCT, 2020.
6. The Counterterrorism Handbook: Tactics, Procedures, and Techniques / Frank Bolz, Jr., Kenneth J. Dudonis, and David P. Schulz. 2nd ed. Boca Raton, FL.: CRC Press. 2002.
7. Clarke, R. C. & Newman G. R. Reducing the opportunities for terrorism: applying the principles of situational crime prevention / R. C. Clarke, G. R. Newman // Terrorism and Torture: An Interdisciplinary Perspective / Werner Stritzke et al. (eds.). Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2009.
8. Crelinsten, R. Counterterrorism / Ronald Crelinsten. Cambridge, UK: Polity, 2014.
9. Crelinsten, R. Perspectives on Counterterrorism From Stovepipes to a Comprehensive Approach // Perspectives on Terrorism. – Vol. 8. – No. 1 (February 2014). P. 2-15.
10. De Wijk, R. Contributions from the Military Counterinsurgency / Rob de Wijk // Handbook of Terrorism Prevention and Preparedness / Alex P. Schmid (ed.). The Hague: ICCT, 2020. P. 109-129.
11. Pedahzur, A & Ranstorp, M. A Tertiary Model for Counter terrorism in Liberal Democracies: The Case of Israel / Ami Pedahzur, Magnus Ranstorp // Terrorism and Political Violence. 2000. Vol.13. No. 2. P. 3-22.
12. Omelicheva, M.Y. Russia's Counterterrorism Policy: Variations of an Imperial Theme / M.Y. Omelicheva // The Palgrave Handbook of Global Counterterrorism Policy / Romaniuk SN, Grice F, Irrera D, et al. (eds.). New York: Springer, 2017. P. 515-533. [Электронный ресурс]. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1057/978-1-137-55769-8>
13. Sinai, J. The Terrorist Threats Against Russia and its Counterterrorism Response Measures / Joshua Sinai // Connections. 2015. Vol. No. 4. P. 95-102.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена системному анализу феномена терроризма и поиска

эффективных средств противодействия данному негативному общественному явлению в виде такого механизма, который концептуально обозначается как «Антитеррор». Автор выступает с попыткой историко-культурного анализа данного явления, сосредотачиваясь на идеологических аспектах противодействия терроризму. Вместе с тем, обосновывая актуальность изучения данной проблематики для современного российского общества, автор в большей степени анализирует западные подходы к борьбе с терроризмом. В статье намечена определенная тенденция анализа символических и ценностных основ политике антитеррора, которая затрагивает не только сферу безопасности в узком смысле, но и распространяется на общественное сознание и политическую культуру государства. Однако, границы исследования совершенно не обозначены и автор фактически выходит за рамки обозначенных в заголовке объекта и предмета исследования.

В этом плане статью рекомендуется структурировать, добавив введение, основной раздел, заключение и тематические подзаголовки. Сплошной текст представляется неудобочитаемым, при этом не сформулированы и не акцентированы общая целевая установка представленного исследования, а также перечень задач и методология анализа культурного-исторического контекста понятия "антитеррор". Статья должна быть значительным образом доработана с учетом использования отечественных источников и анализа российской научной традиции определения ключевых концептов и функциональных составляющих в системе национальной безопасности. При этом автору также следует проанализировать основные доктрины и нормативно-правовые источники в данной области помимо Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Военная Доктрина РФ, указы Президента РФ в области обеспечения системы национальной безопасности и т.д.). С точки зрения научной теоретической и прикладной значимости статья определенно представляет некоторый интерес для читательской аудитории журнала «Национальная безопасность», но автору требуется увязать анализ концепта «Антитеррор» с системным подходом к выстраиванию идеологической политики в России и для сравнения, например, в Европейском Союзе и Америке. Для этого потребуется не только анализ нормативных источников и различных доктрин, стратегических документов, но также и изучение эмпирических материалов, опросов общественного мнения, данных экспертных интервью и др. Автору все же рекомендуется скорректировать заголовок исследования, поскольку статья не носит исторического характера, но призвана раскрыть символические аспекты построения системы национальной безопасности. В этом плане рекомендуется добавить различные кейсы и примеры противодействия террористическим явлениям в различных регионах мира, то есть добавить международный аспект и контекст. Автор может использовать за основу те подходы, которые были реализованы в последние десятилетия в Сирии, Ливии, других областях Ближнего Востока, либо проанализировать отдельные случаи на европейском пространстве и в Российской Федерации. Рекомендуется повторно направить статью после внесения обозначенных исправлений и устранения замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является концепт «контртеррор» в западной научной и публицистической литературе. Учитывая крайне высокую степень значимости контртеррористической деятельности, актуальность выбранной автором темы для изучения трудно переоценить. Однако теоретико-методологическая рефлексия

исследования проведена автором довольно поверхностно – в тексте декларирована некая «критическая методология», без уточнения деталей, о какой именно «критической методологии» идёт речь: о критическом концептуальном анализе, критическом дискурс-анализе, критической геополитике, методологии Франкфуртской школы, критическом подходе И. Канта и т. д. Однако из контекста можно понять, что в процессе работы использовался критический концептуальный анализ, для которого эмпирической базой послужил корпус западных монографических исследований контртеррористической проблематики. Это позволило автору получить научные результаты, обладающие признаками новизны. Прежде всего, речь идёт о выявленном концептуальном содержании понятия «контртеррор», используемого в западной академической мысли. Некоторый интерес представляют также (хотя и достаточно спорные!) суждения автора об идеологической базе концепта «контртеррор» в трудах западных исследователей. В структурном плане достаточно последовательна, хотя рубрикация текста не помешала бы. Стиль работы также можно признать научным, но при этом не лишённым некоторых изъянов (о чём ниже). В тексте встречается некоторое незначительное количество стилистических (например, размытость смысла выражения «современная зарубежная литература» в заголовке статьи, куда без должного уточнения («научная») можно отнести и фантастику, и поэзию, и даже комиксы; или плеоназм «свой» в предложении: «...Усилия по укреплению психологической устойчивости своего собственного гражданского населения»; или наоборот, пропущенное слово, которое уточнило бы, каким именно способом управляются (дистанционно, радиоуправляемых и т. д.) штурмовики в предложении: «...С помощью управляемых, беспилотных штурмовиков...», иначе получается, что есть неуправляемые беспилотные штурмовики; и др.) и грамматических (например, лишняя запятая в предложении «...Широкий спектр ответных мер, таких, как правоохранительные...»; или несогласованное предложение: «...Придается большое значение дистанционному зондированию, спутниковЫЕ снимкАМ...»; другой пример несогласованного предложения: «НекритическОЕ следованиЕ идеологемам... приводят к ложным выводам»; или пропущенная буква в слове «линия» в предложении «...Приоритет отдается мягкой линии в противовес...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным (за редким исключением) использованием научной терминологии. Тем не менее, в тексте встречаются ненужные для научной работы оценочные суждения, снижающие научный стиль статьи, например: «...Как общественное зло терроризм имеет серьезные социально-экономические и историко-культурные предпосылки...». И дело не в том, что нельзя согласиться с авторской оценкой терроризма как «общественного зла»; дело как раз в том, что научный дискурс стремится минимизировать оценки везде, где это возможно, и уж тем более, там, где эти оценки попросту избыточны. Изменится ли научное содержание фразы, если убрать из неё оценку? «Терроризм имеет глубокие социально-экономические и историко-культурные предпосылки» – нет, НАУЧНОЕ содержание этого утверждения не изменилось, а оценка исчезла, что сделало суждение более нейтральным в ценностном плане. Подобными оценочными (ИЗБЫТОЧНО оценочными!) суждениями, перемежающимися с нейтральными научными понятиями, изобилует весь текст статьи: «невыносимый чужеземный гнет», «многовековая неправильность России», «стародавняя идеологема» и т. д. На этом фоне крайне забавными выглядят взятые в кавычки вполне нейтральные научные термины вроде «демократический» и «автократия»: «Добавим, что сам дискурс продвижения "демократических" реформ вполне может вписываться в стратегию продвижения глобальных интересов "передовых" наций, например, под лозунгом борьбы с "автократиями"»; то есть, метафору «передовые нации» автор считает взятую нужным в кавычки, а такую же метафору «невыносимый чужеземный гнёт» или «единый фронт

борьбы» – нет. Или в другом месте в кавычки берётся «дикая война», но без кавычек пишется «булавочные нападения». На будущее автору можно порекомендовать выдерживать стиль в более нейтральных научных интонациях. Попадают и не очень точное употребление терминов, например, не совсем ясно, как «работа» может «демонтироваться»? Демонтировать можно результаты работы, а саму работу демонтировать нельзя. Не совсем точно употребляется и термин «идеологический» в предложении «...Мы подходим к ключевой оппозиции в идеологических стратегиях КТ, как они представлены в западной историографии...». До этого речь шла о «моделях» и/или «стратегиях» контртеррористической деятельности, и автор анализировал именно концептуальные подходы к данной проблеме. Откуда вдруг появляется аксиологически-идеологическая сторона, и почему стратегическая оппозиция «военный подход – уголовное правосудие» стала «идеологической» (без анализа соответствующих ценностей в качестве фундамента этой оппозиции), осталось неясным. Не очень хорошо разобрался автор и в специфике конструктивистского подхода в социальных науках, раз позволяет себе ставить «следование конструктивистскому подходу» в упрёк «американскому исследователю» М.Ю. Омеличевой; равно как не очень понятна связь конструктивистского подхода с имперской темой, исследуемой М.Ю. Омеличевой в контртеррористической политике России. По крайней мере, автор эту связь не демонстрирует, но просто обвиняет «американского исследователя» в «фундаментальном изъёме». Собственно, так же без объяснений – явочным порядком – вводится термин «идеологема», которую автор тоже понимает (вернее, ОЦЕНИВАЕТ!) как-то странно – в явно негативном ключе. Интересно, автор отдаёт себе отчёт в том, что само слово «критический», которое он поставил в заголовок своей статьи, выводит его за рамки научной ценностной нейтральности (если он, конечно, не развивал «критические» установки в смысле И. Канта)? И отрефлексировал ли он должным образом, каким идеологемам в процессе КРИТИЧЕСКОГО анализа следовал он сам? Впрочем, ввиду недостатка теоретико-методологической рефлексии, о которой речь шла выше, ожидать понимания проблемы идеологем в критическом анализе было бы странно. Библиография насчитывает 13 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в достаточной степени репрезентирует научную проблематику статьи. Апелляция к оппонентам проходит красной нитью через всю работу в виду её полемического характера.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Несмотря на некоторые недостатки, полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области государственного и муниципального управления, национальной безопасности, противодействия терроризму, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Национальная безопасность». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.